

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-2-139-155

ФЕНОМЕН ПОЛИАМОРИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

О.В. Григоренко, сотрудник Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, ул. Мясницкая, д. 18, Москва, Российская Федерация, 101000*

В современном обществе в условиях усиливающейся тенденции индивидуализации личности, кризиса нуклеарной семьи, духовно-нравственной надломленности и нарастающих чувств заброшенности и одиночества, “сокращения настоящего” и уменьшения продолжительности межличностных отношений ввиду увеличения социальных кругов общения и интенсификации взаимодействий возникает такое явление, как полиамория.

Цель статьи заключается в том, чтобы концептуализировать понятие полиамории, определить структурные и содержательные границы данного феномена, исследовать ключевые элементы этоса полиаморного типа межличностных отношений, а также установить предпосылки возникновения и распространения явления полилюбви в современном обществе. В статье анализируются трансформации сферы интимности: от классического типа любви до нарождающегося неопостклассического типа любви, от романтических отношений через кризис любви-слияния к полиаморным отношениям. Кроме того, проводится отчетливая демаркационная линия между поверхностным взглядом на исследуемое явление как на неограниченные и беспорядочные половые связи между взаимодействующими субъектами отношений и углубленным пониманием ценностей и принципов, являющихся фундаментом полиамории. В статье особо отмечается, что достигший своего апогея постклассический тип конфлюэнтной любви претерпевает кризис содержательности: лишенная одухотворенного чувства сексуальность трансформируется в омнисексуальность, и, будучи насыщенной обилием форм и самоисчерпанной содержательно, перевоплощается в различные варианты, такие как асексуальность, транссексуальность и объектофилия. В этой связи полиамория может быть рассмотрена как попытка преодоления “кризиса сексуальности” и восстановления содержания через реинкарнацию элементов прошлого — через сочетание разнообразия форм сексуальных практик постклассического типа любви и внутреннего содержания классического типа любви.

Ключевые слова: типология любви, сексуальность, романтическая любовь, полиамория, этос, конфлюэнтная любовь, трансформация интимности.

---

* Григоренко Ольга Валерьевна, e-mail: 5555-90@mail.ru

THE PHENOMENON OF POLYAMORY IN MODERN SOCIETY: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Grigorenko Olga V., Higher School of Economics staff, Myasnitkaya st., 18, Moscow, Russian Federation, 101000, e-mail: 5555-90@mail.ru

In modern society the phenomenon of polyamory arises in terms of growing tendency of personality individualization, crisis in nuclear family, spiritual and moral fragility, increasing feelings of abandonment and loneliness, “shrinking present” and shortening of interpersonal relations due to the extension of social circles and intensified interaction.

The paper aims to define the concept of polyamory, its formal and substantive boundaries, to research components of ethos of polyamory, and also to detect prerequisites for the emergence and spread of the phenomenon of polyamory in modern social reality. The analysis is devoted to transformation of intimacy – from classical kind of love to nascent neopostclassical, from romantic relationship through confluent love to polyamory. Besides, it is a demarcation between promiscuity and polyamory. It is also emphasized that postclassical confluent love is in a substantial crisis now – sexuality without love is being transformed into omnisexuality, which has a variety of forms and absence of sense, and then converted to asexuality, transsexuality and love to inanimate objects. In such a case polyamory tries to bridge the crisis of sexuality and reincarnate the elements of history by combination of different sexual practices of postclassical love and spirit of classical love.

Key words: *typology of love, sexuality, romantic love, polyamory, ethos, confluent love, transformation of intimacy.*

Феномен полиамории: понятие и этос

Научное обсуждение феномена полиамории актуализируется с конца XX – начала XXI вв., и предметом исследования выступают преимущественно межличностные отношения в полиаморных сообществах США и Великобритании. Но в условиях интенсификации массовых коммуникаций, межкультурных взаимодействий и беспрепятственного взаимопроникновения различных культурных элементов, данное явление находит свое отражение и обретает постепенное распространение и в российской действительности (о чем может свидетельствовать появление в социальных сетях соответствующих сообществ, таких как “Полиамория”, “Полиамурная Москва”, “Полиаморный Петербург” и др.). Именно поэтому представляется крайне важным провести анализ данного феномена и определить его нишу в системе социологического знания.

Импульсом для развития дискуссий о немоногамных отношениях послужили дискурсы о сексуальной эмансипации и преодолении различного рода сексизмов – в отношении гомосексуальной субкультуры, бисексуальных движений, альтернативных сексуаль-

ных практик и феминистических течений¹. В период с 1992 по 2004 гг. на Западе появляются двенадцать ключевых работ, посвященных проблематике полиамории, которые подразделяются на две тематические группы². Первая когорта изданий ориентирована на исследование полиамории в языковом, практическом и историческом контекстах, представляет собой своего рода самоучитель по полиамории и носит скорее методический характер. К этой категории относятся работы таких исследователей, как Р. Ниаринг, К. Лэно и К. Перри, С. Вест, Д. Истон и К. Лист, М. Мунсон и Дж. Стелбум, Д. Анапол, В. Матик, многие из которых рассматривают полиаморию как мини-революцию личности. Вторую группу характеризует эзотерическая специфика исследования данной проблематики, внимание акцентируется на изучении спиритуалистических и религиозных элементов в рамках практики полиамории, а также подчеркивается необходимость стирания расовых, классовых и культурных границ и возможность достижения состояния общественной гармонии. Вторая совокупность работ представляет собой смесь личного опыта и научных эссе. К этой категории относятся работы А. Д'Онофрио, К. Хайнляйн и Р. Хайнляйн, Р. МакГери, Э. Рэвенскрофт. Но за последнее десятилетие начинает оформляться новая, третья, когорта исследователей, занимающихся, прежде всего, научным обоснованием феномена полиамории и его критическим анализом. К третьей когорте можно отнести работы Б. Адама, К. Клессе, И. Шеффа, Э. Ритчи и М. Баркера, И. Эшби, Л. Джеймисона³ и др. В рамках данной статьи мы рассмотрим лишь некоторые аспекты взглядов вышеперечисленных авторов, которые, на наш взгляд, могут быть положены в основу “манифеста полиамории”.

Итак, понятие “полиамория” (от лат. *poly* – “множество” и греч. *amor* – “любовь”) означает одновременную любовь более чем к одному человеку в личных отношениях. Само слово было создано в конце 1980-х парой Морнинг Глори и Обероном Зелл⁴, практиковавшей свободные отношения в браке и испробовавшей как триадическую модель взаимоотношений, так и последовавшую за ней модель, включающую в себя шесть участников. Исследователь Д. Анапол отмечает, что явление полиамории как таковое фокусируется не на количестве партнеров в рамках любовных отноше-

---

¹ *Haritaworn J., Klesse C., Lin C. Poly/logue: a critical introduction to polyamory // Sexualities. 2006. Vol. 9. N 5. P. 518.*

² *Noel M.J. Progressive polyamory: considering issues of diversity // Sexualities. 2006. Vol. 9. N 5. P. 602.*

³ *Deri J. Polyamory or polyagony? Jealousy in open relationships. Burnaby, 2011. P. 119.*

⁴ *Anapol D. Polyamory in the 21st century. N.Y., 2010. P. 1.*

ний, но на внутренней установке отдавать любовь без каких-либо ожиданий и требований относительно ограничения количества составляющих эти связи единиц. Ввиду этого очень важно дифференцировать понятия немоногамности и полиамории, первое из которых представляет собой структурный подход к межличностным отношениям, тогда как второе – этический (поэтому полиамория трактуется еще как “ответственная практика немоногамности”).

Д. Анапол выделяет две парадигмы любовных отношений:

– “старая парадигма”, в рамках которой любовные отношения концентрируются на структуре и ее контурах, создании непроницаемых границ вокруг группы, фундированной сводом правил с превалированием коллективных установок (социальных норм) вопреки индивидуальным желаниям;

– “новая парадигма”, рассматривающая отношения между субъектами любви с точки зрения следования совместно выработанным этическим принципам, с ориентацией на психологическое и духовное развитие всех вовлеченных в группу лиц с допущением индивидуальной автономии. Такие отношения позволяют “рассматривать близких как зеркало или отражение себя” и предоставляют возможность посредством усиленного и вездесущего принципа диалогичности заглядывать в души друг друга, чтобы быть не просто услышанным, но и интерпретированным.

Явление полиамории отвечает описанию второй парадигмы и основывается на решении признавать вариативность путей развития любовных отношений, поэтому полилюбовь может принимать различные формы (свободные отношения в моногамной брачной паре, триады, отношения “*mobilia*”, групповой брак), но обязательно исключает ложь и насилие и зиждется на определенных этических принципах. Итак, ключевым аспектом полиамории является не форма и структура отношений, но система ценностей и этос, на описании которого и хотелось бы далее остановиться. К. Клессе⁵ артикулирует и агрегирует элементы дискурса о полиамории, которые вкупе и создают ее этос:

1. *Любовь – основа эротики и сексуальности.* При этом любовь первична, сексуальность вторична. Подробнее данный вопрос будет рассмотрен во второй части статьи, посвященной философскому взгляду на концепты любви и полиамории.

2. *Неисключительность, неограниченность и избыточность полилюбови.* Данный принцип как раз отображает значение второй “новой” парадигмы о стирании границ и отказе от нормативно за-

---

⁵ Klesse C. Notions on love in polyamory – elements in a discourse on multiple loving // Laboratorim. 2011. Vol. 3. N 2. P. 4–25.

крепленной структуры любовных отношений, что предоставляет участникам полиаморной связи возможность удовлетворять эмоциональные, интеллектуальные и сексуальные потребности из разных источников, так как не всегда один партнер может обеспечить реализацию всех индивидуальных потребностей другого.

3. *Полилюбовь основывается на свободе.* Вместо феминистских дискурсов о свободе в контексте власти и насилия, дискурс полиамории апеллирует более к свободе выбора – выбора партнеров.

4. *Полилюбовь реализуется в отношениях, участники которых лояльны и активны.* Данный принцип может быть охарактеризован как готовность и способность партнеров созидать долгосрочные отношения благодаря коммуникации, в стремлении к постоянному диалогу и разрешении конфликтных ситуаций посредством консенсуса.

5. *Честность – основа основ полилюбови и близости.* Искренности придается особая ценность, честность выступает неким символическим аспектом отношений как единственной возможностью преодолевать возникающие барьеры на пути духовного сближения личностей.

6. *Полилюбовь значит самоотверженность.* Имеется в виду не столько необходимость, сколько сильное внутреннее желание партнеров раскрыть потенциал друг друга в отношениях, достичь максимально высоких вершин своего развития.

7. *Полилюбовь – это работа,* работа над собой и отношениями, обязательным условием которой является преодоление эгоизма и инстинкта обладания, с использованием методики “переговоров”.

8. *Полилюбовь проявляется в заботе о другом.* Реализация данного принципа гарантирует участникам полиаморной связи эмоциональную безопасность и создает ощущение расширенной семьи, отношения в которой носят доверительный и неманипулятивный характер.

9. *Полилюбовь трансцендентна (альтруистическая любовь, любовь к миру, любовь к Богу).* Данный аспект полиамории понимается в контексте заимствования элементов спиритуалистических и религиозных систем (языческих религий, христианства, восточных религий и др.).

Также К. Клессе в другой своей работе упоминает еще один принцип – *комперсию*⁶, что подразумевает выражение чувства радости от того, что любимые человеком люди делятся любовью друг с другом, что можно выразить формулой “любить любимого лю-

---

⁶ Klesse C. The spectre of promiscuity: gay male and bisexual non-monogamies and polyamories. L., 2012. P. 107.

бимого”, нечто напоминающее эмпатию (и само слово, вероятно, происходит от слияния двух слов “compassion” и “person” — испытывающий сочувствие, соучастие в чувстве). Д. Анапол, кроме того, описывает и ключевые законы⁷ существования полилюбовных отношений, которые тоже вполне характеризуют этос полиамории:

– закон самосознания (любовь как энергия, вибрация, состояние осознанности);

– закон единения (нет границ, исключаются ревность и собственничество, поощряется альтруизм, полиамория рушит культурные паттерны и права собственности, замещая их семейной средой, наполненной безусловной любовью, доверием, уважением и согласием);

– закон прощения (любовь как умение прощать за ошибки, понимать и сопереживать).

Несмотря на относительно упроченное представление о понятии полиамории, научное сообщество (особенно исследователи новой “третьей волны”), тем не менее, пока не пришло к однозначному выводу по поводу места этого явления в системе социологического знания — то ли это новая “лингвистическая вуаль” для бесчисленных и ничем не ограниченных сексуальных связей, воплощенных в различных формах, то ли новая нарождающаяся субкультура, одухотворяющая межличностные отношения и во главу угла ставящая чувство искренней любви, — и в этом еще предстоит разобраться. Теоретиками предпринимались попытки, прежде всего, разграничить ориентации полиаморов и свингеров. Так, если у свингеров взаимодействие между партнерами основывается прежде на сексуальном контакте и в дальнейшем возможно (но необязательно) дружеское общение, то в полиамории отношения получают свое развитие после налаживания любовных и дружеских контактов; отношения свингеров сексуально немонагамны, но в эмоциональном плане верность своему партнеру строго соблюдается, тогда как в полиаморных отношениях любовная связь предполагается между всеми партнерами; свингеры — это в большинстве своем пары (т.е. свингерские связи структурно регламентированы), а отношения полиаморов могут принимать различные формы (не имеют структурных ограничений). Но нередко границы между этими двумя ориентациями стираются, элементы взаимопереплетаются, и появляется новый тип отношений, именуемый “swolly”⁸, и тогда становится чрезвычайно затруднительно отличить одно явление от другого. Но в данной статье мы будем отталкиваться от идеально-

---

⁷ *Anapol D.* Op. cit. P. 238–239.

⁸ Urban dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=Swolly>

типического определения полилюбови, базирующегося на ключевом положении манифеста полиамористов — “ценности vs. форма” (“*values vs. form*”).

Полиамория и философия любви

Поскольку, исследуя феномен полиамории, мы вновь и вновь обращаемся к понятию любви, представляется целесообразным остановиться на спецификации смысла данной универсалии. Древнегреческая философия для обозначения любви использует синонимичный ряд слов, — эрос, филия, сторге, агапэ⁹, — каждое из которых помимо общего смысла чувства глубокой симпатии отличается от другого интенсивностью проявления, комплексом испытываемых эмоций, способом взаимодействия субъектов. Канадский социолог Алан Ли¹⁰ сформировал достаточно подробное и целостное представление о понятии любви и выделил первичный и вторичный типы любви. К первичному типу, согласно его концепции, относятся следующие три ее разновидности:

— *эрос* — сексуальная, страстная любовь, основывается на инстинктах, сильной физической и эмоциональной связи, предполагает субъектов отношений к разнообразию и рискам на пути любовных приключений;

— *людус* — любовь-игра, основанная на женской кокетливости и мужской склонности к флирту, отношения носят исключительно сексуальный характер и выстраиваются ради развлечения и удовлетворения “спортивного интереса”, субъекты отношений не ориентируются на построение долгосрочной связи (допускается и множественность связей одновременно), пробуждение чувств и отличаются готовностью разорвать отношения “без эмоциональных издержек”;

— *сторге* — семейная и дружеская любовь, предполагает исполнение комплекса обязательств и предписаний по отношению к другому, основывается на доверии и верности, создает ощущение защищенности.

Вторичный тип любви образуются за счет комбинаций видов любви первичного типа и включает в себя:

— *агапэ* — создается из слияния эроса и сторге, любовь бескорыстная и безусловная, основывается на самоотдаче и преданности партнеру и элиминирует навязчивость и ревность из отношений, обнаруживает себя также в благотворительной деятельности, в любви к природе, ко всему духовному и божественному;

---

⁹ Апресян П.Г. Слова любви: eros, philia, agape // Философия и культура. 2012. № 8. С. 27–40.

¹⁰ Lee J.A. Colours of love: an exploration of the ways of loving. N.Y., 1973.

– *мания* – образуется из соединения эроса и людуса, любовь, противоположная агапэ, навязчивая, собственническая, эгоистичная, носит крайне аффективный характер и приводит к одержимости субъектом отношений;

– *прагма* – представляет собой синтез людуса и сторге, любовь практичная и прагматичная, учитывающая совместимость партнеров по социальным статусам, ориентированная на обеспечение комфортного сосуществования нежели на возобладание душевной и физической привязанности.

За рамки этой классификации выносятся особый тип любви – *филаутия*, или себялюбие, в крайнем ее проявлении это любовь эгоистическая и нарциссическая, лишаящая возможности любить другого (Другого).

Так, тот тип отношений, который изображается исследователями и приверженцами полиамории, в основе своей содержит именно *агапэ* в древнегреческом понимании, т.е. любовь самозабвенную по своей природе, любовь отдающую и сопереживающую, честную и прозрачную, но в контексте полиамории принимающую разнообразные формы.

Э. Гидденс также обращается к тематике любви и в работе “Трансформация интимности” выделяет романтическую любовь и любовь-слияние, или конфлюэнтную любовь. Р.Г. Апресян, развивая концепцию философии любви, относит романтическую любовь к классическому пониманию любви, а конфлюэнтную – к постклассическому. Признаки классической любви, по Э. Гидденсу, таковы: 1) преобладание привязанности к субъекту отношений как атрибута возвышенных чувств над сексуальным желанием; 2) ориентация субъектов отношений на долгосрочную перспективу их развития; 3) любовная этика как регламентация образа и формы взаимоотношений; 4) ориентация на гетеросексуальную пару. “Она [романтическая любовь] не совместима с вожделением и с земной сексуальностью, не столько потому, что любимое существо идеализируется – хотя это тоже часть истории, – сколько потому, что она предполагает психическую коммуникацию, встречу душ, которая носит взаимный характер”¹¹.

В постклассическом типе любви акценты смешаются: 1) духовная любовь становится опосредованной сексуальным желанием; 2) сексуальные умения и сексуальная удовлетворенность являются источником и отправной точкой отношений “любви-слияния”; 3) конфлюэнтная любовь не обязательно гетеросексуальна и моногамна; 4) ценным в любви оказывается не объект любви, который

¹¹ Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб., 2004. С. 70.

не воспринимается более в качестве неповторимого, единственного и в идеале обретенного навсегда, а сами отношения. «Любовь-слияние – это активная, неожиданная любовь, и поэтому она находится в дисгармонии с такими качествами комплекса романтической любви, как “навсегда”, “ты и только ты”»¹². Р.Г. Апресян отмечает: “Не в отречении от эротизма и сексуальности, а в эротической полноте любовных чувств и отношений увидели новые философы любви специфическое проявление природы и даже предназначения человека”¹³.

Таблица

Сравнительная характеристика трех типов любви

Типы любви Признак	Романтическая любовь	Конфлюэнтная любовь	Полилюбовь
Форма отношений/ структура	Гетеросексуальность, моногамность	Гетеросексуальность/гомосексуальность, моногамность/немоногамность	Гетеросексуальность/гомосексуальность, моногамность/немоногамность
Источник отношений	Любовь	Сексуальность	Любовь, дружба, сексуальность
Продолжительность отношений	Долгосрочность отношений	Текучесть отношений	Долгосрочность отношений

Исследователи А.Ф. Кашкайш и Д. Кардозо¹⁴ утверждают, что полиамория тесно связана с идеей конфлюэнтной любви и чистых отношений. Однако из данных табл. мы видим, что полилюбовь по структуре и форме тяготеет к конфлюэнтному типу любви, а по источнику отношений и их продолжительности – к романтическому типу любви. Важно отметить, что сексуальность в рамках полиаморных отношений – плавающая и необязательная компонента, тогда как духовный аспект является первопринципом. В связи с этим, мы можем предположить, что полиаморный тип любви представляет собой оформляющийся новый, неопостклассический, подход к любви, своим содержанием восходящий к классическому типу, а формой – к постклассическому.

¹² Гидденс Э. Указ. соч. С. 83.

¹³ Апресян Р.Г. Философия любви: постклассические трансформации. URL: <https://iphras.ru/page48656789.htm>

¹⁴ Cascais A.F., Cardoso D. ‘Loving many’: polyamorous love, gender and identity // Gender and Love: Interdisciplinary Perspectives. Oxford, 2012. P. 22.

Следует также подчеркнуть, что конфлюэнтная любовь подменила собой романтическую любовь, отбросив любовный мотив отношений на задний план и сосредоточившись на сексуальном аспекте отношений, но сама же растворилась в пансексуальности и потеряла свое содержание. В этой связи тип полиаморной любви пытается заполнить пустую форму посредством реинкарнации элементов романтического типа любви. Таким образом, полиамория является своего рода ответом на кризис сексуальности постклассического типа любви.

Феномен полиамории как индикатор трансформации интимности

Итак, окунувшись в полиамористскую литературу, исследовав сам концепт, полиамористский этос, а также место полиамории в философии любви, мы переходим к социологическому анализу данного явления.

Полиамория как социальный феномен может быть прочитана сквозь концепции “конца социального” Жана Бодрийяра, истощенности чувственности и торжества голой эротики Поля Рикера, взаимоотношений сексуальности и власти Мишеля Фуко и др. Такого рода анализ поможет нам вывести понятие полиамории из эфемерного состояния, “отеоретизировать” и придать оболочку реальной социальной сущности.

В своей работе “Фантомы современности” Ж. Бодрийяр описывает современный этап общественного развития как “конец социального”, что подразумевает под собой общество, функционирующее в отрыве от своей ценности, своего внутреннего содержания, растворившееся в хаосе и “метастатическом беспорядке”, дублируя дуближей при полном отсутствии идеи. Если в эпоху сексуального раскрепощения индивиды праздновали торжество сексуальности, не сопряженной с воспроизводством и семейными обязательствами, ныне же, по мнению автора, ситуация в корне изменилась — “максимум воспроизводства и как можно меньше секса”¹⁵. Остается форма, но бесследно исчезает содержание — любовь, эротика, секс. Погрузившись во мрак клоноподобия и транссексуальности, общество изобретает новые “костыли”, которые по сути своей есть лишь реабилитация прошлого через имитацию. Итак, на авансцену социальной реальности, робко и без огласки, прокрадывается явление полиамории как попытка возродить чувственность, интимность, любовь, заботу о ближнем, сконструировать аналог “расширенной семьи” как гаранта гармонии и безопасности. Именно

---

¹⁵ Бодрийяр Ж. Фантомы современности // Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы. М., 2015. С. 87.

таким образом исповедующие принципы полиамории пытаются наполнить форму оскудевших личных, брачных и семейных отношений эмоциональным, сексуальным и духовным содержанием посредством реинкарнации практик и ментальной основы общности (в противоположность практикам и ценностям общества). В этой связи представляет неподдельный интерес труд М. Фезерстоуна “Модификация тела” с точки зрения рассмотрения явления неотрайбализма как своего рода реинкарнации социальных практик прошлого в двух вариантах: 1) воспроизводство формы с новым содержанием, и 2) воспроизводство формы без содержания. Так, автор, апеллируя к проблематике использования телесных маркировок (тату), рассматривает примеры таких сообществ, как гангстеры, футбольные клубы, рок-группы британских пабов и др., возрожденная племенная ментальность которых наполнена новым смыслом и содержанием (в некоторых случаях перетекающая в настоящий фашизм, что опять же доказывает ее содержательную насыщенность, хоть и нередко девиантно-ориентированную). В противоположность этому, нанесение временных, красочных и эпатажных тату представителями модельного бизнеса или последователями моды свидетельствует о бессодержательном возрождении социальных практик трайбализма, практик вне всякого смысла, осуществляемых в качестве реплики элементов общества потребления. Применяя данную теоретическую модель для описания и объяснения исследуемого нами явления, мы также можем обнаружить различие бессодержательной реинкарнации элементов прошлого, выраженной в осовремененной форме промискуитета, не отягощенного никаким смыслом (подтверждение теории симулякров Ж. Бодрийера), и содержательной реинкарнации, обнаруживающей свое отражение в явлении полиамории с попыткой сакрализовать понятие любви (аналогия с концепцией М. Маффесоли о неотрайбализме с присущими ему религиозным духом и локализмом).

В добавление к этому Поль Рикер в труде “Сексуальность: чудо, заблуждение, загадка” также повествует об обнаженной, лишенной смысловой наполненности форме сексуальности, об истощении чувственности и возобладании очищенной от эмоциональных примесей эротики. “Эротика начинает создавать свой вымышленный мир в промежутке, ограниченном, с одной стороны, гедонистическим разочарованием, с другой — исчерпанностью чувственности. Отсюда — крайняя безысходность всей этой затеи: обостренный эротизм, который свойствен человеку, посвящающему свою жизнь сексу; изощренный эротизм в его разнообразных формах; воображаемый эротизм, связанный с позициями: выявлять — скрывать, отказывать — позволять; рассудочный эротизм любопытствующего,

который отводит третьему лицу все эротические роли: на каждом из этих путей в игру вступает сексуальная фантазия, связанная с наличием различных героев сексуальности; однако благодаря этим формам мы видим, как шаг за шагом совершается переход от тесных отношений к безутешному одиночеству. Глубокое отчаяние, связанное с эротикой — оно напоминает знаменитую дырявую бочку из греческой легенды, — заключается в том, что мы оказываемся не в состоянии компенсировать утрату ценности и смысла с помощью эрзаца нежности”¹⁶. Пресыщение разнообразными сексуальными практиками приводит к обесцениванию как личных отношений в целом, так и сексуальных в частности. И не являются ли полиаморные связи попыткой преодолеть этот “кризис чувственности”? Не есть ли это тот самый возрождающийся из пепла “трепет”, о котором говорил Ж. Батай в труде “Слезы Эроса” как о единственной возможности приблизиться к истине эротизма? Вероятно, данное воззрение будет сочтено за крайне идеализированное представление о феномене полиамории. Но при условии вскрытия внутри ценностного кризиса общества кризиса сексуальности полиамория предстает как раз в том ключе, в котором мы ее выше осветили, т.е. в качестве некоего “луча света в темном царстве”. Еще раз хотелось бы подчеркнуть, что в рамках приведенных теоретических построений полиамория рассматривается не как одна из сторон процесса морально-нравственной деградации современного общества, “социальный выродок” или следствие ценностного кризиса, но усилие, предпринятое для преодоления “кризиса сексуальности”, вызревшего внутри ценностного кризиса социума.

Если в период сексуального освобождения тело теряет свою функцию вместилища души (все сводится к репрезентации сексуальности), то далее тело теряет и функцию вместилища сексуального, тело становится “манекеном”, абсолютно пустой формой. Полиамория же пытается преодолеть эту своего рода “сексуальную блазированность”, вернуть телу истинную сексуальность и духовную составляющую, но реинкарнация эта происходит за рамками регламентированного распределения гендерных ролей и в видоизмененных формах с вариацией допущений. Оказывается неважным, какая форма станет воплощением чувственности, акцент делается на самой возможности чувственности, ее концентрации и сакрализации. Но эта сакрализация чувственности, не укладывающаяся в привычные структуры отношений, противоречит сформированному правильному образу нормального общества, за что и подвер-

---

¹⁶ Рикер П. Сексуальность: чудо, заблуждение, загадка // История и истина. СПб., 2002. С. 231.

гается нападкам со стороны институтов, осуществляющих функции социального контроля. Как мы помним, история сексуальности свидетельствует о расширении границ дискурса сексуальности, усилении социального контроля и сосредоточении на репродуктивной функции и воспроизводстве общества. В этой связи оформляются “четыре привилегированных объекта знания, четыре мишени и точки закрепления для разного рода демаршей знания”¹⁷. Это 1) истеричная женщина, ограниченная и всецело определяющаяся своей сексуальностью; 2) мастурбирующий ребенок с присутствием ему аморальным поведением, угрожающим здоровью расы; 3) мальтузианская пара, социализированная для рождения детей в соответствии с потребностями и нуждами общества; и, наконец, 4) извращенный взрослый, пребывающий в одержимости ненормальными инстинктами. В рамках данного дискурса гетеросексуальные отношения признаются “нормализованной типизацией”, в то время как иные формы сексуального поведения стигматизируются как аномальные. Но теперь сексуальные практики “недисциплинированного эротизма” не просто не вписываются в “социальный флютбет”¹⁸, вследствие чего подлежат клеймению, но и вовсе теряют содержание. Полиамория же пытается это содержание восстановить, не исключая ни одну из форм его воплощения. Немецкий сексолог Фолькмар Зигуш пишет об эре неосексуальности, в которой сексуальность просочилась во все сферы жизни, и как следствие произошло нивелирование значимости секса. “Если для Фуко история сексуальности была историей особенного, анархического и безграничного, то сегодня сексуальность стала обыденной, банальной, общепринятой. Вместо похоти теперь желание быть сексапильным. Если я могу пользоваться вниманием и одобрением, не подвергая себя никакому телесному риску, то упаковка вполне может заменить содержание”¹⁹. Доказательством этому может послужить и популярное во всем мире виртуальное сообщество Tinder, потенциальные партнеры в котором оцениваются в большей степени именно по параметру сексапильности представленных в профиле каждого участника фотографических снимков. И снова мы находим теоретическое подтверждение

---

¹⁷ Фуко М. История сексуальности. Т. 2. Использование удовольствий // По ту сторону власти, знания и сексуальности. М., 1996. С. 206.

¹⁸ “Социальный флютбет” – совокупность норм, фундамирующих социальный порядок и являющихся основой для регуляции социальных отношений; социальный предохранитель, выполняющий функцию социального контроля и защиты социального порядка от деформаций и свободного выражения инстинктов и волеизъявления членов социума.

¹⁹ Прехт Р.Д. Любовь. М., 2011. С. 363.

наличия кризиса сексуальности как воспроизводства бессодержательной ее формы. Период духовно-нравственного кризиса социальности на фоне доминирования дискурса сексуальности сменяется эпохой кризиса этой самой сексуальности с медицинским диагнозом – асексуальность, транссексуальность, объектофилия. В этом смысле полиамория является ярко выраженным индикатором кризиса сексуальности в обществе. Р. Прехт описывает современное общество как стремящееся к поиску любовного и религиозного смыслов. Не этой же самой интенцией обладает и этос полиамористов? Если современное общество олицетворяет собой формально организованный ансамбль тел, ранее испустивших дух и ныне атрофированных сексуально, то в таком контексте феномен полиамории – это “чудесное социальное” как выражение человеческого религиозного инстинкта или все-таки “сосуд данаид” как образ невозможности наполнения содержанием деформированной, искаженной формы?

Подведем итоги сказанного. В данной статье мы осветили понятие полиамории, описали этос полилюбви, ее теоретико-методологические и социальные основания. И в заключение в качестве обобщения вышеизложенного мы выделим и рассмотрим ряд гипотез возникновения феномена полиамории в современном обществе.

1. *Консервативная* гипотеза вызревания в социальных недрах явления полиамории отталкивается от кризисного состояния социального института семьи в целом, складывающегося из субкризисов нуклеарной семьи, институтов добрачного поведения, материнства и детства. В этом контексте полиамория имеет скорее отрицательную коннотацию и является, с одной стороны, нежелательной издержкой на стадии переломного момента процесса развития института семьи, с другой – стимулирующим механизмом разложения духовно-нравственных ценностей и разрушения семейных основ.

2. *Эволюционная* гипотеза рассматривает феномен полиамории в качестве закономерного этапа исторического развития категории любви, трансформирующейся от классического типа, через постклассический, к пока не явно осязаемому в обществе неопостклассическому. При этом переход от конфлюэнтной любви к полилюбви связан с реакцией межличностных отношений на кризис сексуальности постклассического типа.

3. *Авангардная (или протестная)* гипотеза связывает появление полиамории с реакцией протеста, направленного против угнетающих форм социального контроля со стороны таких социальных

институтов, как семья, религия, медицина. Полиамория в этой связи предстает как попытка преодоления навязываемых СМИ образов пустых форм без содержания (с одной стороны, образа семейной пары, “осчастливленной” и упоенной возможностями приобретения разнообразия товаров, обременения ипотечным кредитом и т.д., с другой — образа совершенного человеческого тела как проекта “нарциссического реинвестирования”, результата трудов волшебников хирургии, косметологии и индустрии моды) и как попытка “поиска зоны безопасности в период стремительных культурных изменений”²⁰.

4. *Неорелигиозная* гипотеза рассматривает феномен полиамории в условиях трансформации религиозной сферы общества и нарекает полилюбовь своего рода “религией после религии”. “Религия ведаёт нам о существовании жизни после смерти, а любовь — о жизни до смерти”²¹. Полиамория выступает некой квазирелигиозной формой общественного сознания, в рамках которой индивид олицетворяется с храмом, а молитвы — с человеческими желаниями. Любовь в широком смысле, и полилюбовь в частности, может быть расценена как жест, направленный против бессердечного общества, содрогающегося от рисков индивидуализма.

На наш взгляд, каждая из гипотез заслуживает дальнейшего всестороннего и глубокого исследования, результатом которого должно стать научно обоснованное установление истинной социальной сущности феномена полиамории — общественного диагноза или панацеи от социальных болезней?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян Р.Г. Слова любви: eros, philia, agape // *Философия и культура*. 2012. № 8 (56). С. 27–40. URL: https://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/Apressyan/Slova_lyubvi.pdf (дата обращения: 25.09.2017).

Батай Ж. Из “Слез Эроса” // *Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века*. СПб., 1994. С. 271–308.

Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.

Бодрийяр Ж. Фантомы современности // *Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы*. М., 2015. С. 5–116.

Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб., 2004.

Зиммель Г. Фрагмент о любви // *Зиммель Г. Избранное*. Т. 2. М., 1996. С. 201–212.

---

²⁰ *Осипова Н.Г., Челищев В.И.* Социальные механизмы и технологии манипулятивного управления личностью // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2016. Т. 22. № 4. С. 5.

²¹ *Beck U., Beck-Gernsheim E.* The normal chaos of love. Oxford, 1995. P. 176.

Маффесоли М. Околдованность мира или божественное социальное // СОЦИО-ЛОГОС. М., 1991. С. 274–283. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Article/Maff_OkMir.php (дата обращения: 15.09.2017).

Миллер Дж. Страсти Мишеля Фуко. М.; Екатеринбург, 2013.

Осипова Н.Г., Челищев В.И. Социальные механизмы и технологии манипулятивного управления личностью // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. № 4. С. 3–21. DOI: 10.24290/1029-3736-2016-22-4-3-21.

Прехт Р.Д. Любовь. М., 2011.

Рикер П. Сексуальность: чудо, заблуждение, загадка // История и истина. СПб., 2002. С. 221–234. URL: http://www.ec-dejavu.net/e/Eros_Ricoeur.html (дата обращения: 11.08.2017).

Фуко М. История сексуальности. Т. 2. Использование удовольствий // По ту сторону власти, знания и сексуальности. М., 1996.

Фуко М. История сексуальности. Т. 3. Забота о себе. Киев; М., 1998.

Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб., 2007.

REFERENCES

Anapol D. Polyamory in the 21st century. N.Y., 2010.

Apresjan R.G. Slova ljubvi: eros, philia, agape [The words of love: eros, philia, agape] // Filosofija i kul'tura [Philosophy and Culture]. 2012. Vol. 8. N 56. P. 27–40 (in Russian).

Bataj Zh. Iz “Slez Erosa” [From “Tears of Eros”] // Tanatografija Jerosa: Zhorzh Bataj i francuzskaja mysl' serediny XX veka [The tanatography of Eros: George Bataj and French thought of mid 20th century]. SPb., 1994. P. 271–308 (in Russian).

Bodrijar Zh. Obshhestvo potreblenija. Ego mify i struktury [The Consumer Society. Myths & Structures]. М., 2006 (in Russian).

Bodrijar Zh. Fantomy sovremennosti [The phantoms of modernity] // Matrica Apokalipsisa. Poslednij zakat Evropy [The Matrix of Apocalypse: The Last Sunset of Europe]. М., 2015. P. 5–116 (in Russian).

Beck U., Beck-Gernsheim E. The normal chaos of love. Oxford, 1995.

Cascais A.F., Cardoso D. ‘Loving many’: polyamorous love, gender and identity // Gender and Love: Interdisciplinary Perspectives. Oxford, 2012. P. 21–29. URL: https://www.researchgate.net/publication/261872379_%27Loving_Many%27_Polyamorous_Love_Gender_and_Identity (accessed: 18.07.2017).

Deri J. Polyamory or polygamy? Jealousy in open relationships. Burnaby, 2011.

Featherstone M. The possibility of primitiveness: towards a sociology of body Marks in cool societies // Body Modification. 2005. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781446220207.n3> (accessed: 20.09.2017).

Fuko M. Istorija seksual'nosti. Т. 2. Ispol'zovanie udovol'stvij [The History of Sexuality. Vol. 2. The Use of Pleasure] // Po tu storonu vlasti, znaniya i seksual'nosti [The Other Side of Power, Knowledge and Sexuality]. М., 1996 (in Russian).

Fuko M. Istorija seksual'nosti. Т. 3. Zabota o sebe [The History of Sexuality. Vol. 3. The Care of the Self]. Kiev; М., 1998 (in Russian).

Fuko M. Germenevtika sub'ekta [The Hermeneutics of the Subject]. SPb., 2007 (in Russian).

Giddens A. Transformacija intimnosti [The Transformation of Intimacy]. SPb., 2004 (in Russian).

Haritaworn J., Klesse C., Lin C. Poly/logue: a critical introduction to polyamory // *Sexualities*. 2006. Vol. 9. N 5. P. 515–529. DOI: <http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1363460706069963> (accessed: 03.09.2017).

Klesse C. Notions on love in polyamory – elements in a discourse on multiple loving // *Laboratorim*. 2011. Vol. 3. N 2. P. 4–25. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/10/12/1267235503/01_CK.pdf (accessed: 03.09.2017).

Klesse C. The spectre of promiscuity: gay male and bisexual non-monogamies and polyamories. L., 2012.

Klesse C. Poly economics – capitalism, class, and polyamory // *International Journal of Politics Culture and Society*. 2014. N 27. P. 203–220. DOI: 10.1007/s10767-013-9157-4.

Kleese C. Polyamory and its 'others': contesting the terms of non-monogamy // *Sexualities*. 2016. Vol. 9. N 5. P. 515–529. URL: <http://sites.middlebury.edu/sexandsociety/files/2015/01/polyamory4-klesse-polyamory.pdf> (accessed: 03.09.2017).

Lee J.A. Colours of love: an exploration of the ways of loving. N.Y., 1973.

Maffesoli M. Okoldovannost' mira ili bozhestvennoe social'noe [Enchanted world or Divine Sociality] // *SOCIO-LOGOS*. M., 1991. P. 274–283 (in Russian).

Miller J. Strasti Mishelja Fuko [The Passion of Michel Foucault]. M.; Ekaterinburg, 2013 (in Russian).

Noel M.J. Progressive polyamory: considering issues of diversity // *Sexualities*. 2006. Vol. 9. N 5. P. 602–620. DOI: 10.1177/1363460706070003.

Osipova N.G., Chelischev V.I. Social mechanisms and technologies of manipulative management of the person // *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2016. Vol. 22. N 4. C. 3–21. DOI: 10.24290/1029-3736-2016-22-4-3-21 (in Russian).

Precht R. Ljubov' [Love]. M., 2011 (in Russian).

Riker P. Seksual'nost': Chudo, zabluzhdenie, zagadka [Sexuality: Miracle, Delusion, Mystery] // *Istorija i istina [History and Truth]*. SPb., 2002. P. 221–234 (in Russian).

Zimmel' G. Fragment o ljubvi [A Fragment on Love] // *Izbrannoe*. T. 2. [Selected. Vol. 2]. M., 1996. P. 201–212 (in Russian).